

Обратим внимание на последнюю в данном фрагменте реплику Борьки: *Может, тебя, того, вытащить?* По формальному признаку (вопрос, адресованный собеседнику в ситуации непосредственного общения) перед нами предложение, в котором «говорящий предлагает сам совершить названное действие, побуждая собеседника к речевому акту согласия, разрешения, подтверждения его необходимости»³⁵. Однако в приведенном выше контексте такое обращение звучит трагикомично, никакого согласия не требуется, необходимость спасти друга очевидна. Инфинитивное предложение передает процесс размышления героя, процесс принятия решения в трудной и неожиданной ситуации, что подтверждает одна из последующих реплик Борьки:

— *Знаешь, я тебя, пожалуй, вытащу, — решил он наконец и пошел за палкой.*

Следовательно, рассматриваемое инфинитивное предложение проявляет себя прежде всего как предложение рефлексивное, с учетом экспрессивно-смысловых оттенков, привносимых его значением и контекстом.

Таким образом, «ориентированность на коммуникативное действие, на текст» не только обогащает грамматический аппарат синтаксического описания³⁶, но и обеспечивает его адекватное стилистическое сопровождение.

Речевые акты разрешения/запрещения с точки зрения модальности нормы

Т. В. Романова

Любая норма действует в определенных условиях, в определенной мировоззренческой и правовой системе и при наличии определенных физических законов, то есть в определенном возможном мире, а противопоставление актуального и возможного мира имеет модальный характер. Поэтому взгляд на норму через призму категории модальности закономерен.

Нормативно-модальные значения связаны с разными аспектами категории модальности. Во-первых — с модальностью возможности. Нормативно-модальные значения образуются тогда, когда события, релевантные для одного возможного мира, рассматриваются с позиций

³⁵ Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Указ. соч. С. 145.

³⁶ Там же. С. 473.

другого мира, актуального для говорящего. Объективная модальность предложения — это отнесенность ситуации к одному из возможных миров (что отражено в семантике наклонения — ядра функционально-семантического поля модальности), но не ее естественность с точки зрения говорящего. Возможность рассмотрения так называемой субъективной модальности с этих позиций зависит от контекста. Но внутри-синтаксическая модальность явно ориентирована нормативно: ведь она выражает именно **характер** связи между явлениями действительности, в частности, соотношение реального и ожидаемого³⁷.

Во-вторых, нормативно-модальные значения связаны с деонтической модальностью, которая является разновидностью логической модальности. Деонтическая логика — логика выполнения норм. Нормы в ней уподоблялись императивам, суждениям-оценкам, восклицаниям, то есть сущностям, о которых нельзя было вполне ясно сказать, что они имеют истинностное значение. Г. фон Вригт считает, что «подлинные нормы не имеют истинностного значения»³⁸. Модальность нормы — это модальность обязанности, дозволенности, разрешенности, права.

В-третьих, модальность нормы соотносится с модальностью волеизъявления.

В качестве аналитического материала нами использованы тексты современной исповедальной публицистики (мемуары, дневники, письма, записки, автобиографии и т. д.) российской творческой интеллигенции. При анализе указанного материала необходимо было выявить языковые средства оформления прямых, перформативных разрешений и запрещений, а также средства оформления косвенных речевых актов (РА) разрешения и запрещения. Помимо прямых, перформативных разрешений и запрещений, производимых посредством перформативов *разрешаю, не разрешаю, даю разрешение, запрещаю, запрещено, запрещается, воспрещено, воспрещается, позволяю, не позволяю*, имеется набор стандартных косвенных разрешений и запрещений, разрешительных, «не-разрешительных» и запретительных формул. Наиболее распространены из них выражения с *можно* и *нельзя*.

Разрешение/запрещение можно трактовать как когнитивную категорию. Внутренняя структура когнитивной категории запрета контекстуально зависима и отражает социальные и культурные характеристики субъекта и объекта действия. Когнитивная категория, отражающая действие запрета, представляется неоднородной, иерархически организованной. Прототипом данной категории является запрещение. На основе различных общих атрибутивов в нее могут быть включены приказ, прось-

ба, угроза, намек и т. д., так как все эти высказывания могут иметь целью прекращение объектом какой-либо деятельности и могут выражать различную степень запрета. Высказывание запрета не всегда содержит глагол в повелительном наклонении. В качестве периферийных членов в категорию запрета могут быть также включены действия, выраженные сослагательным (*Я бы не советовал тебе это делать*) или изъявительным наклонением (*Ты сейчас же прекратишь!*). Данные примеры подтверждают положение о размытости границ рассматриваемой категории.

И. Б. Шатуновский в статье «Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке»³⁹ указывает на то, что деонтические РА разрешения примыкают к РА побуждения. Принципиальной особенностью РА разрешения и запрещения, выводящей их за пределы собственно побуждений, является то, что они взаимодействуют с волей адресата (А). «А именно, есть РА, соотносительный с понятием “можно” — это *разрешение*, есть РА, соотносительный с понятием “нельзя” — *запрещение*, но нет РА, соотносительного с “должно” (“обязан”), порождающего долженствование, обязанность сделать разрешенное (Р)»⁴⁰. Другая особенность РА разрешений и запрещений, связанная с первой и выводящая их за пределы собственно побудительных актов, заключается в том, что разрешения и запрещения не непосредственно побуждают А делать или не делать Р, но сами по себе только каузируют, порождают деонтическую возможность или невозможность для А делать Р. Другими словами, условия, правила этой «языковой игры» (в смысле Витгенштейна) таковы, что РА говорящего (Г) дает право или не дает права А делать/сделать Р, только во взаимодействии с волей А, направленной на осуществление Р, эти РА «предотвращают» или «вызывают» актуальное действие.

«Сила», эффективность РА разрешений и запрещений проистекает из «превосходства» Г, расположенного выше А в той или иной иерархии. В этом отношении ситуация разрешения и запрещения подобна ситуации приказа. Однако если в прототипическом случае приказов Г и А — члены какой-то официальной организации, связанные иерархическими отношениями типа «начальник — подчиненный», то в случае разрешений и запрещений отношения между Г и А могут быть не столь формальны. Это могут быть, наряду с официальными иерархическими отношениями, отношения «родители — дети», «старшие дети — младшие», «хозяин кабинета — посетитель», «собственник вещи — несобственник» и т. д.

³⁹ Шатуновский И. Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова и др. М., 2000. С. 319–325.

⁴⁰ Там же. С. 320.

³⁷ Вригт Г. Х. Логико-философские исследования / Г. Х. Вригт. М., 1986. С. 594.

³⁸ Вригт Г. Х. Указ. раб. С. 170.

М. Я. Гловинская⁴¹ считает, что РА разрешения и запрещения «не вполне симметричны». Эта несимметричность связана с различными отношениями с дискурсом. Разрешение в его первичной форме — практически всегда реакция на предшествующую просьбу разрешить Р. Типичный сценарий разрешения: просьба А о разрешении — разрешение Г / отказ дать разрешение — действие/недействие, воздержание А от действия (или действие «не по правилам» — вопреки тому, что Г не разрешил А делать Р). Иное дело с запрещениями: А не будет обращаться к Г с просьбой запретить ему делать то Р, которое он, А, хочет совершить. Поэтому запрещения в типичном случае делаются превентивно (опережающее действие противной стороны).

Если запрещения, как было отмечено выше, наиболее близки к отрицательным приказам, то разрешения из побудительных актов наиболее близки к одному из видов предложений. И разрешения, и предложения могут выражаться одними и теми же способами, в частности формой повелительного наклонения и констатирующими высказываниями с *можете, можно*. Разграничение этих двух типов РА обеспечивается в таких случаях контекстом. Если это реакция на предшествующую просьбу о разрешении, то это разрешение: *Можно войти? Разрешите войти? Войдите!* Если Г дает право А совершить Р по своей инициативе, не дожидаясь просьб А, то это предложение: *Входите! Проходите, садитесь! Пейте чай! Можете налить себе коньяку* и т. д.

По мнению И. А. Шаронова⁴², запрет есть подвид речевого приказа. Запрет — это приказ не совершать действие (прохибитив — побуждение к несовершению действия⁴³). И. А. Шаронов считает также, что семантическое основание «исполнитель будущего действия не имеет права приступить к исполнению действия без позволения/согласия другого лица, находящегося в приоритетной позиции», сближает РА разрешения с РА приглашения.

Можно сделать вывод, что семантика разрешения и запрещения — это социально и жанрово обусловленная семантика. В нашем материале практически отсутствуют прямые РА разрешения/запрещения. Если рассмотренная семантика и актуальна, то только для жанра писем.

⁴¹ Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 189.

⁴² Шаронов И. А. Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / И. А. Шаронов. М., 1991.

⁴³ Храковский В. С. Семантика и типология императива: Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. Л., 1986. С. 93–96.